

СНОВИДЕНИЯ ЛИНОВИЦКОГО РОМАНТИКА. ПОВЕСТЬ Я. П. де БАЛЬМЕНА «СОН»: ОТРАЖЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Дана стаття являє собою спостереження над художньою природою романтичної повісті Я. П. де Бальмена «Сон», у якій яскраво відобразились параметри авторської Я-ідентичності. Образи, відмічені печаттю особистісної ідентичності, вплинули на ідейну насиченість, всю систему, використаних автором художніх засобів: жанр твору, сюжет, тип літературного героя, хронотоп, художню деталь та інші особливості художньої структури твору.

Ключові слова: Я-ідентичність, сновидіння, світосприйняття романтика, відображення, сюжет-сон.

Данная статья представляет собой наблюдения над художественной природой романтической повести Я. П. де Бальмена «Сон», в которой ярко отобразились параметры авторской Я-идентичности. Обrazy, отмеченные печатью личностной идентичности, повлияли на идейную насыщенность, всю систему использованных автором художественных приемов: жанр произведения, сюжет, тип литературного героя, хронотоп, художественную деталь и другие особенности художественной структуры произведения.

Ключевые слова: Я-идентичность, сновидения, мировосприятие романтика, отображение, сюжет-сон.

The article represents the study of the artistic nature of the romantic short story of Yakov de Balmen «Dream», where the characteristics of author's I-identity are clearly reflected. The images marked by personal identity influenced the ideological intension and the whole system of artistic means used by the author. The artistic means are the following: the genre of the work, the plot, the type of the literary hero, a chronotopos, an artistic detail and other features of artistic structure of the work.

Key words: I-identity, dreams, romantic's attitude, reflection, subject-dream.

Говоря об идентичности как о внутренней уникальной сути отдельной личности, о литературном произведении как одном из источников материала для её изучения, полагаем, что небольшая повесть Я. П. де Бальмена «Сон» разносторонне отображает параметры авторской Я-идентичности, которая выражается через систему художественных средств, используемых писателем. Данная работа является попыткой исследовать взаимосвязь между Я-идентичностью личности автора и его произведением, может помочь в понимании художественной природы творчества Я. П. де Бальмена.

Напомним, что в науке различают:

- социальную идентичность (отождествление себя с социальной позицией или статусом);
- групповую идентичность (отождествление себя с тем или иным сообществом);
- этническую идентичность (отождествление себя с определенной этнической группой);
- культурную идентичность (отождествление себя с культурной традицией) [1].

Полагаем, что в той или иной степени все указанные позиции отображены в повести. Автор, используя художественную систему произведения, проговаривает, провозглашает качества своей личности, истинность своего Я.

Повесть Я. П. де Бальмена «Сон» была написана в 1836 году, когда все мечты, все надежды на личное счастье ушли безвозвратно, а наступившее время точно выражали строки К. Рылеева, взятые де Бальменом эпиграфом к мемуарной повести «Отрывки из заброшенного дневника»:

Не сбылись, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей.

Горький жребий одиночества

Мне сужден в кругу людей [2].

Не сбылись надежды юношеской любви Я. П. де Бальмена, которой было отдано столько душевных сил, любви, дарившей и минуты величайшей радости, и неизбывные страдания, чувстве, вложившем перо в руки писателя, ставшем главной темой единственного известного сборника его

повестей. Софья Вишневская была его музой, его божеством, к которому душа стремилась «в волнениях сна, в мечтаниях дня...» [3]. Во многих повестях он воспроизводит события своей жизни, становящиеся сюжетом произведений, историю своей любви. Софья является её героиней: в своём облике, под своим именем. Часто воображение автора не только воспроизводит, но и моделирует события, возможные развязки складывающихся драматических ситуаций, ведь герой этих историй он сам. Повесть «Сон» ещё одна модель на тему: «Как произойдёт роковая встреча с Софьей, ставшей женой другого?». Важную сюжетную роль в повести играет мотив сна. В эпиграфе к произведению де Бальмен напишет: «Мне это снилось, и сон послужил источником этой повести» [3, с. 192]. В сюжете-сне, вопреки ожиданиям, связанным с литературной традицией изображать сны, нет ничего нереального. Скорее наоборот, ощущается тенденция преодоления романтизма: авторский рассказ от первого лица очень прост и будничен. Молодой офицер Славин приезжает из расположения своего полка в провинциальный городок на ярмарку. В театре он знакомится с помещиком Шерстинским, приехавшим по торговым делам. По воле случая Славин попадает в дом помещика, где и происходит главное событие (сон): встреча героя с Софьей, ставшей женой Шерстинского. Ничего не подозревающий Славин вначале видит портрет той, которая есть для него целая жизнь, а затем и оригинал – свою бывшую невесту Софью. В отсутствии мужа между ними происходит разговор, подводный итог былым отношениям, герои расстаются. Софья, смирившись, живёт однообразной будничной жизнью, Славин – находит источник радости в мире своих сновидений, где всё по-прежнему, где безраздельно царит Софья, его Софья.

Мы отмечали глубокую автобиографичность произведений Я. П. де Бальмена. Главный персонаж всех его повестей, практически, один и тот же тип героя, в судьбе которого отразились черты самого автора, факты его биографии. Камертоном автобиографичности всех его повестей служит мемуарная повесть «Отрывки из заброшенного дневника», к которой мы будем обращаться в ходе нашей работы.

Главный герой повести «Сон» – русский офицер Славин. Тождественность фамилии героя концепту «слава» особенно ярко проявляется рядом с фамилией помещика Шерстинского, мужа Софьи, продающего на ярмарке шерсть. Жизненный удел помещика – торговать шерстью (его образ снижен). Славина – приносить славу отечеству. Социальный и нравственный статус русского офицера для де Бальмена был чрезвычайно высок. Отметим, что главный романтический герой его повестей – русский офицер, дворянин, человек чести, неисполненный рагного духа, безоглядно смелый, благородный, жертвующий собой ради счастья других. Такое трепетное отношение к службе, чувство офицерского долга и чести являлось

семейной традицией писателя. Многие представители рода де Бальменов были воинами. Выходцы из Шотландии, они служили французской короне, а с середины XVIII века переехали в Россию и служили в русской армии. Дед Я. П. де Бальмена и два его родных дяди получили звание генерал-майоров, были смелыми воинами. Среди ярких моментов их биографий отметим следующие: дед, Антон Богданович, принял присягу на верность России крымского хана, дядя, Александр Антонович, был назначен комиссаром на остров св. Елены для надзора за Наполеоном, дядя, Карл Антонович, в 24 года стал генерал-майором, через два года скончался от полученных ран. Отец Якова Петровича также был офицером, участвовал в военных действиях, которые вела Россия, в том числе и в польской кампании, службу закончил в чине капитана.

В гостеприимном доме де Бальменов всегда было много офицеров, которые, по словам писателя, практически из него не выезжали. Неизгладимое впечатление на Якова, тогда ещё гимназиста, оказывает встреча с его будущим старшим другом Михаилом Юзефовичем. Планируя свою первую повесть «Ричард», он напишет: «Юзефович, его характер, его усы, его молодецкая, разрубленная рожа необходимы в моей повести» [3, с. 240]. Семья де Бальменов родственными и дружескими узами была связана с офицерами-декабристами, непосредственно принимавшими участие в деятельности декабристских обществ. Я. П. де Бальмен станет единственным писателем, который в реакционные 30-е годы открыто напишет о событиях, связанных с декабрьским восстанием 1825 года в повести «Изгнанник». Он возьмёт строки своего любимого поэта К. Рылеева эпиграфом к «Отрывкам из заброшенного дневника», ими же закончит повесть. Находясь на службе в Белгородском уланском полку, в котором были сильны демократические традиции, и Яков де Бальмен был не одинок в вольнолюбивых устремлениях, он создаст свои повести, объединив их в рукописный сборник.

В произведениях писателя, так или иначе, нашли отражение события, связанные с судьбой русского офицера того времени: разгром декабристов и реакция 30-х годов XIX века – повесть «Изгнанник», польская кампания – Мыза», военный парад – «Повесть» жизнь в аракчеевских поселениях – «Солдат». В повести «Сон» автор передал атмосферу свободолюбия и демократизма близкого круга друзей-офицеров, с которыми он служил в Чугуеве. Размышляя о возможной дружбе с Шерстинским, Славин говорит: «... наводил бы его на проказы нашей братии и уж непременно переселил бы для потехи в общий наш приют, который прежде был и моим, познакомил бы с товарищами. И тогда помещик стал бы шалить. Бывало, сводишь с пути и сбиваешь с толку людей постепеннее. А этот и сам бы сбился. Да нет! Теперь уж не те времена» [3, с. 195]. Аллюзия этих строк очевидна, исходя из фактов биографии Якова де Бальмена: дружба с

Т. Г. Шевченко, близость к членам Кирилло-Мефодиевского братства, непосредственное участие в деятельности пирятинского общества «мочеморд», активное осуждение военных действий царской армии на Кавказе, во время которых Я. П. де Бальмен пропадет в вихре войны. Его тело, как и тело писателя-декабриста Бестужева-Марлинского, не будет найдено. Т. Г. Шевченко, потрясенный его гибелью, посвятит Якову Петровичу поэму «Кавказ»: «Искреннему моему Я. П. де Бальмену» [4]. И. Я. Лосневский доказал что в 10-е – 20-е годы XIX века в Чугуеве существовал своего рода кружок, в который входили офицеры Белгородского полка, в том числе упомянутый М. В. Юзефович, которого А. С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум» назвал поэтом [5]. Произведения Чугуевских авторов печатались в харьковских и петербургских журналах [6]. И хотя ко времени службы де Бальмена кружок прекратил свою работу, можем предположить, что Яков Петрович ощущал с его участниками духовную общность.

Важно подчеркнуть, что действие повести «Сон» происходит в небольшом провинциальном городке во время ярмарки. Писатель хорошо знал жизнь провинции и, вероятнее всего, никогда не был в столицах. Детство его прошло в имении родителей в селе Линовца, поездках в имения богатых и родовитых помещиков Полтавской и Черниговской губерний. Юность он провел в провинциальном Нежине, учась в гимназии. Нес службу в Чугуеве. Предположительно там же происходят события повести «Сон». Поручик Славин приезжает на ярмарку из своего полка, который стоит неподалёку от местечка: «В нашем городе, – я говорю нашему потому, что часто там бываю по близости стоянки полка, в котором служу» [3, с. 293]. Для творчества де Бальмена характерен топос провинциального городка, военного поселения. Ситуация встречи с Софьей во время ярмарки параллельна житейской ситуации, описанной Я. де Бальменом в дневнике. Находясь в Нежине, он ждет приезда Софьи на зимнюю ярмарку (Нежин славился своими многочисленными ярмарками, проходившими с размахом). Юный Яков изливает свои восторги загулявшего гимназиста: «Здесь ярмарка огромная, богатая. Я с утра до вечера таскаюсь по рядам. Почти не хожу в классы... Как хорошо устроена главная улица в балаганах... Съезд ужасный» [3, с. 233]. В повести «Сон» помещик Шерстинский поминает Ильинскую ярмарку в Ромнах: «Ильинская ярмарка – прекрасна. Одна из первых в России. Съезд огромный» [3, с. 193]. Нежин, Чугуев, Ромны – провинциальные городки Украины, жизнь которых Яков де Бальмен хорошо знал. Присущ ли писателю местный колорит в описании ярмарки? Пожалуй, нет, это колорит ярмарочный, общий для многих городов империи. И все же он проговаривается в «Отрывках...». Описывая ярмарку, использует вместо слова «пыльца» украинский аналог «пылок»: «А снег, будто пылок» [3, с. 233]. З. Фрейд отмечал важность таких оговорок для понимания

идентичности личности, в данном случае этнической, ведь писатель почти всю жизнь прожил на украинской земле, да и сама ярмарка относится к национальной украинской топике.

Герои повести Славин и Шерстинский знакомятся в театре. Локус театра один из ключевых в творчестве Я. де Бальмена. Круг художественных интересов писателя был широк: прекрасный художник (его учил талантливый художник и педагог К. Рамус), он любил музыку и был театралом. До нас дошли рисунки Я. де Бальмена, изображающие театральное действо – сцену, актеров, зрительный зал и зрителей глазами человека, смотрящего из-за кулис. В двух его повестях действие происходит в театре (в том числе в повести «Сон»). Характерно, что писательский стиль де Бальмена отличает активное использование приема театрализации, что свидетельствует о чутком ощущении своего времени, для которого театральность была эстетической нормой жизни.

Грань личности Бальмена-художника также нашла свое отражение в повести. Одним из «героев» произведения является портрет Софьи. Находясь в доме Шерстинского, вынужденного отлучиться по торговым делам, Славин, по его предложению, рассматривает «картины»: «Чем больше листов перекидывал я, тем более убеждал себя, что г-ин Шерстинский, хоть бестолковый человек, но не без вкуса. Прекраснейшие гравюры, несколько мастерских рисунков доказывали, что он не жалеет денег на подобные издержки. Что за пропасть: что дальше, то лучше! Перекладываю лист за листом. И вдруг... я остановился и протер глаза, подвинул свечу, сел правильно, чтобы рисунок был в надлежащем свете... Нет, это не игра воображения... Точно она. Точно портрет моей Софьи... Ее прическа, знакомое голубое платье» [3, с. 199]. Портрет становится для героя величайшим сокровищем. Чтобы завладеть им, он готов на все: просить, умолять уступить, даже украсть. Еще не зная, что сейчас увидит оригинал, герой начинает говорить с портретом «как бывало, с моей Софьей». Ему казалось, что портрет тоже «постигал» его, а «бездумная бумага» «исполнилась жизнью». Рисунок «движется», «изображение дышит»: «Чья-то слеза упала на мою руку, и мне почудилось, что заплакал ее портрет» [3, с. 200]. Внезапно появившаяся Софья понимает состояние души героя и дарит ему рисунок. После объяснения и прощания с любимой Славин увозит его, чтобы, запершись в своей квартире остаться наедине с «сокровищем – портретом моей Софьи, ибо она навсегда останется моей, хотя я бежал от нее ночью, как преступник» [3, с. 205].

Мы отмечали, что в основу сюжета произведения положен характерный для романтической поэтики мотив сна. Именно сюжет-сон помогает раскрыть главную грань авторской Я-идентичности: мироощущение романтика, сновидения его души. Мотив сна в романтических произведениях обусловлен концепцией двоemiрия. В. В. Ванслов пишет: «Объективная

действительность осознается и изображается романтиками как чуждая субъекту, лишенная гуманистического начала. Идеал же приобретает характер противостоящей жизни неосуществимой мечты» [7]. Конфликт мечты и действительности, вследствие которого «мечта остается нереализованной, а жизнь чуждой сладким грезам и возвышенным «снам», представляет собой типичную особенность романтического искусства» [7]. Мотив несбывшихся мечтаний – один из ведущих в творчестве де Бальмена. Он усиливает главную тему его творчества – историю драматической любви. Лейтмотивом сборника звучат цитированные строки К. Рылеева:

Не сблысь, мой друг, пророчества
Пылкой юности моей.
Горький жребий одиночества
Мне сужден в кругу людей [2].

В повествовании автор движется от реалистического изображения действительности (эта тенденция усиливается в бытовых зарисовках, житейских диалогах) к романтическим сновидениям, лишь их одних жаждет душа героя. Нежелание заводить приятельские отношения с Шерстинским он объясняет так: «... я с некоторых пор любил уединенье, любил углубляться в самого себя, в минувшее, дружить с воспоминаниями, беседовать с теми, от кого был отлучен судьбою и расстоянием» [3, с. 195]. Так разрываются пути действительности, расторгаются границы времени в иную, желанную реальность – жизни души героя. Н. А. Тархова в статье, посвященной мотиву сна в романе «Евгений Онегин», наряду с реальностью «исторической, бытовой, событийной» говорит о наличии особой реальности: «это реальность жизни души героев и автора, состояние поэтического сна, поэтического вдохновения» [8].

Мотив сна у де Бальмена отражает философию романтизма: мир – лишь иллюзия, все, что окружает человека – не более чем сновидение. Мотив сна отчетливо прослеживается в «Отрывках из заброшенного дневника». Характерный для романтического творчества в целом, он приходит в поэтические сны писателя благодаря знакомству с творчеством Байрона: «Юзефович принес одну часть Байроновых сочинений, которую подарил мне в Нежине. Этот Байрон всюду со мной. О, как люблю я Байрона! Как он чувствует. В его творчестве я часто нахожу свои чувства и оттого, верно, я так люблю его» [3, с. 250]. Бальмен вспоминает о впечатлении, которое произвело на него чтение поэмы Байрона «Сон»: «Не знаю почему, но мне кажется, что это пророчество моей будущности. О, Софья! Неужели ты погубишь меня?!» [3, с. 250]. Юный Яков идентифицирует себя с персонажами своего кумира: «Не знаю, что было со мной, но все высокое сливалось с образом» (о чтении «Манфреда») [3, с. 250]. Значение сна у писателя многогранно. Сон – это прошлое, греза, призрачность, утрата, он же будущее, мечта, надежда, любовь. Сон – это наслаждение, счастье, которое ожидаешь от жизни, это сама жизнь в ее лучшем проявлении. А

когда не сбываются надежды, то исчезают и сладкие сны наяву: «Так исчезли сновидения прежних дней, исчезли невозвратно. Так погасла надежда, как светильник, потушенный бурей, оставя одно воспоминание, горькое – о! – горькое» [3, с. 306].

Герой повести не желает смириться с жизнью, какой она есть, с утратой мечты, связанной с чувством к Софье. Силой воображения он погружается в свой придуманный мир, как единственную возможность спасти самого себя, свою жизнь, свою душу: «... чтобы я расстался с мечтою, которая одна улаживает горькое одиночество моей жизни... в душе моей, в мире, созданном мною, в мире в котором я живу, нет никакой перемены. Там ты – все моя Софья, мое божество, моя невеста, моя жена. Там мы – неразлучны, как в те годы, когда улыбалась нам надежда, когда встречали нас радости» [3, с. 203]. Настоящее без Софьи для героя «летаргическое состояние», сон – истинная жизнь, которая переместилась в мечты о прошедшем: «Для меня в моем воображении нет перемены. И в мечтах, в сновидениях моих я вижу все ту же Софью, которую так часто называл своей...» [3, с. 196]. Во сне герой снова творец своей жизни: режиссер, актер, зритель. Он властен над временем и обстоятельствами.

Сходство между сновидением и художественным творчеством, сном как основой мифологии и литературы неоднократно отмечалось: «Творческий акт художника обусловлен его психологическими особенностями и так же индивидуален и субъективен, как и сон» [9]. И то и другое – отрыв от реальности, возможность избавиться от всего, что тяготит в жизни, и «сновидение и творчество «мыслят» образами» [9]. Сон и религиозное чувство также схожи между собой. Они уведят человека от земных забот, мирской суеты. Вот почему Софья – «божество», «Рафаэлева мадонна». Писательское творчество для Я. де Бальмена – это возможность сохранить свою Я-идентичность в согласном слиянии сознания с голосом души, возможность реализовать романтические сновидения. В «Отрывках из заброшенного дневника» он признается: «... у моего героя должно быть сердце, готовое переносить все горести, сердце мужественное. И он сам должен быть истинный герой – неустрашимый, благородный – бич врагов своего отечества, верный до гроба своим чувствам, гордый, презирающий низкое соперничество и несчастный. Да, я изображу человека, каким бы я желал быть» [3, с. 240].

Таким образом, в повести мы видим различные грани личностной идентичности Я. П. де Бальмена, отразившиеся на структурных элементах произведения. Образы, отмеченные печатью идентичности, повлияли на идейную насыщенность, всю систему, используемых автором художественных средств: жанр литературного произведения, сюжет, тип литературного героя, хронотоп, художественную деталь и иные особенности художественной структуры произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудря М. М. Питання ідентичності та національної ідентичності в зарубіжній літературі [Електронний ресурс] / М. М. Кудря // Вісник Житомирського державного університету ім. І. Франка (50). Філософські науки. – 2010. – Режим доступу : http://www.nbu.gov.ua/por_tal/Soc_Gum/VZhDU/2010_50/vip50_5pdf.
2. Рылеев К. Избранное / К. Рылеев ; [сост., вступ. ст., с. 5-24, и примеч. В. Муравьева]. – К. : Молодь, 1984. – 263 с.
3. Бальмен Я. П. Повести : С приложением портрета писателя, его рисунков, отрывков из записной книжки и недавно обнаруженных писем / Я. П. Бальмен. – Х. : Прапор, 1988. – 357 с.
4. Шевченко Т. Г. Кобзар / Т. Г. Шевченко. – К. : Рад. школа, 1983. – 608 с.
5. Пушкин А. С. Заметки по русской истории XVIII века / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10-ти т. – 4-е изд. – Т. 1. – Л. : Наука, 1978. – 467 с.
6. Братченко О. В. Творчество Я. П. де Бальмена и русская романтическая проза первой половины XIX века : автореферат дис. канд. філол. наук : 10.01.02 / О. В. Братченко ; [Харк. нац. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди]. – Харків, 2011. – 20 с.
7. Ванслов В. В. Эстетика романтизма / В. В. Ванслов – М. : Искусство, 1966. – 403 с.
8. Тархова Н. Сны и пробуждения в романе «Евгений Онегин» / Н. Тархова // Болдинские чтения. – Вып. 7. – Горький : Волго-Вят. книж. изд-во, 1982. – С. 55–56.
9. Нечаенко Д. А. Сон, заветных исполненный знаков : Таинства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе / Д. А. Нечаенко. – М. : Юридическая литература, 1991. – 304 с.

© Сиротенко Л. Ф., 2011

Дата надходження статті до редколегії 30.06.2011 р.